

Татьяна Николаева

Славянизмы как стилистическая категория в русском литературном языке второй половины XVII столетия

Studia Rossica Posnaniensia 24, 145-150

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СЛАВЯНИЗМЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ

SLAVONICISMS AS A STYLISTIC CATEGORY IN THE RUSSIAN LITERARY
LANGUAGE IN THE SECOND HALF OF THE SEVENTEENTH CENTURY

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

АБСТРАКТ. Particular emphasis in this work is placed upon the use of Slavonicisms as a means of creation of parody and satire in the epoch of Russian literary language formation.

Татьяна Николаева, Казанский университет, Кафедра русского языка, ул. Ленина 18, Казань, Россия.

До сих пор остаются загадкой причины неизученности вопроса о явлении, уникальном в своем роде, – специфике использования церковнославянских элементов как средства создания пародии, сатиры, иронии в памятниках демократической литературы второй половины XVII века. Практически все учебники и учебные пособия по истории русского литературного языка (авторы: В. В. Бродская и С. С. Цаленчук, 1957; В. Д. Левин, 1964; А. И. Горшков, 1964; А. И. Ефимов, 1971; Боек, Фрейданк, Флекенштейн, 1974; Б. А. Ларин, 1975; Е. Г. Ковалевская, 1978; Н. А. Мещерский, 1981, А. Н. Кожин, 1989 и др.) в худшем случае игнорируют указанные памятники вообще, в лучшем – освещают проблему весьма односторонне, обращая внимание лишь на проникновение в них элементов живой разговорной речи. Подобный аспект изучения характерен и для немногочисленных специальных работ¹, авторы которых также опускают вопрос о роли славянизмов в языке демократической литературы.

Неприемлемым кажется утверждение Ф. П. Филина о том, что в „указанную эпоху употребление церковнославянизмов ограничивается церковно-богослужебной литературой”². Это высказывание вызывает

¹ См., например, статью Н. А. Орловой, *Элементы разговорного языка в сатирических повестях XVIII века*. В сб. *Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике*, Ученые записки Ленинградского государственного университета 1985, серия филологических наук, в. 42, с. 135-158; монографию С. Г. Шулешковой, *Язык одного из демократических направлений русской литературы II половины XVII столетия*, Челябинск 1982.

² *История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX в.*, под ред. Ф. П. Филина, Москва 1981, с. 5.

тем большее недоумение, что оно противоречит другому, опубликованному в работе того же года издания „... в XVII веке впервые церковнославянизмы начинают сознательно использоваться как стилистическое средство пародии”³.

Отрицать значимость подобного функционирования элементов церковно-книжного стиля – значит пренебрегать объективными данными существования не только сатирических повестей, но и всего повествовательного жанра этого времени и публицистики протопопа Аввакума и его сподвижников, которым языковедческая литература отдает приоритет в начавшемся процессе нейтрализации указанных элементов, благодаря чему они стали использоваться как равноправный структурный элемент общественно-бытовой речи.

Не умаляя значимости деяний Аввакума в разрушении прежних литературных канонов, должны заметить, что без учета языковых реформ, проведенных авторами демократической сатиры, не может быть создано реальной картины состояния русского литературного языка в начальный период его формирования и дальнейшего развития.

Кризисная ситуация системы церковно-книжного стиля в XVII веке определялась целым рядом обстоятельств: с одной стороны, культивирование высшим духовенством и боярством „высокой” риторики, продолжающей традиции византийского „витийства”, сталкивалось со стилями церковно-книжной речи, шедшими с Украины; с другой – европейские течения из Польши, усложнившие процесс взаимодействия церковно-литературных и светско-деловых стилей. И на этом фоне – поистине революционный процесс, благодаря которому с церковнославянизмов снимается покров книжности, им предоставляется возможность выхода за пределы рамок традиционных жанров, они могут функционировать не только в качестве „высоких”, но и других стилистически маркированных элементов. Эта поистине революционная реформа, расширившая диапазон их употребления, разрушившая единство их семантики и использования, привела к такой языковой ситуации, которую два столетия спустя К. С. Аксаков охарактеризовал следующим образом: „Церковнославянский становится орудием произвольных вымыслов... паразитально звучат в нем, резко противопоставляясь с его характером и формами, тривиальные родные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности. Этот беспорядок, это странное, будто бы разрушающееся состояние указывает на новую жизнь”⁴.

³ Ф. П. Филин, *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва 1981, с. 118.

⁴ К. С. Аксаков, *Языкознание в истории русской литературы и русского языка. Собрание сочинений*, т. 2, Москва 1875, с. 275.

Необходимо заметить, что изучаемые памятники демократической сатиры неоднородны по своему составу. Объектом нашего исследования явились те, которые предоставляют наиболее богатый материал, свидетельствующий о нарочитом, целеустремленном употреблении славянизмов для обличения различного рода бытовых реалий (*Праздник кабацких ярыжек*, или *Гимн кабаку*, *Калязинская челобитная*, *Сказание о Куре и Лисице*).

Говоря о мастерском, искусном использовании авторами средств для создания сатиры, мы опускаем описание чисто технических приемов, например, включение стихир и запевов, традиционных религиозных зачинов, молитв и песнопений.

Обратимся к анализу лексико-стилистических средств, используемых авторами. Наиболее типичный прием – включение в контекст церковнославянизмов таким образом, чтобы они сочетались со стилистически разнородными элементами: узуальными, просторечными, иногда – бранными словами. Характерно, например, такое предложение: „Святой отец с ярыжками познакомился... сажу и руду на полатях претерпел еси”.

Столкновение книжных лексем: „егда, дерзание, воспевати, вечерня, благозвоние” с бранными: „болван, ублюет, рожи, псы, собачьи губы” создает комический эффект и одновременно нейтрализует высокие элементы речи.

Разрушение традиционных семантико-стилистических единств авторы проводят путем включения книжных лексем в новые синтаксические структуры: „шлем суд нелицемерен” – „шлем дурости”, „щит непобедим преподобне” – „щит наготы”, „поострит же напрасен гнев” – „поострит кулаки на драку”. В результате такой сочетаемости иногда создается семантико-стилистическая антитеза: „в руце божи” – „в руках бевских”.

Столкновение церковнославянизмов с народно-речевыми элементами способствует тому, что в исконно церковных лексемах происходит процесс семантизации, приобретение ими нового значения: в повести включаются канонические тексты, в которых с помощью славянизмов создается колорит богослужения и одновременно пародируется малая и великая вечерня; при описании этих служб вырисовывается и герой – ярыжка, утрачивающий свое человеческое обличье по мере приобщения к „зеленому змию”.

В процессе реализации задачи „высоких” лексем – обличения пороков – происходит их материализация, сопровождающаяся изменением семантики. В этом убеждает сравнение текстов *Часослова* и *Службы кабаку*: „Ишед благовестит в колокол даже звонит во все колоколы звона”... „На малей вечерни поблаговестим в малые чарки, также позвоним в полведришка пивышка. Глагол *благовестити* традиционно

(по Срезневскому) означает: 1) возвещать, сообщать радостную весть, 2) объявлять о поставлении архиерея, 3) ударять в колокол, возвещая верующих о начале богослужения. В *Службе* – это призыв на общее питие. Стилистической сниженности глагола способствует здесь и префикс *по-* с временно ограничительным значением.

Расстаются с церковной семантикой такие лексемы, как *отпустъ* (по *Часослову* – это заключительное благословение после богослужения, в *Празднике* – это лишение одежды, ее пропивают пропойцы); *очистити* (избавить от греха, здесь – обворовать, оставить без средств); *просветити* – (прославить, у сатириков – связать, лишить действия).

Процессу подобной семантизации способствуют: а) утрата глагольной переходности на объект; „терпя – потерпел господа” (*Службная Миня*) – „по сем псалом избранной, терпя на кабаке живучи” (*Служба кабаку*), б) изменение объекта действия: ср. „дерзновение ко господу” (просьба, мольба) – „дерзновение к наготe” (стремление к кабаку), в) изменение субъекта действия – *Часослов*: „да уповаet Израиль на господа” – *Служба кабаку*: „Да уповаet пропойца на корчме” г) изменение субъекта, к которому обращена речь: „величаем тя, пророче божи” – „величаем тя, кабаке”.

Подобных обуславливающих обстоятельств можно привести множество. В процессе семантизации неизбежно появление энантиосемии, в *Службной мине*: *расточити* – подарить, передать, обогатить, в *Службе кабаку* – пропить, растратить, уничтожить; сравните также: *почитатъ* – чтить, уважать, оказывать почести и унижать, избивать; *благодать* – обилие, достаток и беднота („и в нищете пребудут, яко благодать на полатях”).

Любопытна семантика лексемы ЖИТИЕ: „житием своим произвели, яко голики, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что вами диру затыкают...”

Исконно церковнославянское слово, зачастую фразеологически обусловленное в сочетании „житие святых”, является в тексте носителем отрицательной экспрессии. Особенно эта негативность проявляется в неожиданных сочетаниях, создающих метафорические образы и разрушающие семантико-стилистическое единство: житие свинское, житие собачье.

Для данных повестей характерно соположение слов с антитезным значением, в результате чего образуются стилистические фигуры на уровне оксюморонных. Противоречивость компонентных сочетаний актуализирует их алогизм, придает им окказиональное звучание: „гнилая чудеса, всенощное пиво, ночь неразумия”. Еще в большей степени алогические ассоциации создаются сочетаниями типа: „процветете убожеством, кафизма пустошная, свет наготы, кнутом венчают, побоями почитаем”.

Один из ярких авторских приемов – повтор однокоренных глаголов, осложненных различными приставками, чем достигается актуализация как самого глагола, так и глагольного управления в системе его образно-понятийных связей. Высмеивая духовенство и проповедника-попа в образе лисицы, автор характеризует ее речь плетением словес с обильным цитированием из *Священного писания*. Елейность, неискренность монолога подчеркивается анафоричными основами и церковнославянскими префиксами (подобная структура – древнейший вид оформления синтаксической связи глагола с объектом действия – существительным, весьма распространенная и в фольклоре, и в диалектах всех славянских языков): „Я, яко мати, чадо святое, с любовию восприму, и на покаяние к себе прииму, язвы твои греховныя изыму”. Этот прием традиционно сложившегося искусства позволяет оживить внутреннюю форму слова, этимологизировать его, обнажить основу. Пересечение нескольких производных регенерирует семантику, типизирует явление, представленное и на лексическом, и на словообразовательном уровне.

Анафористические повторы достаточно широко представлены и префиксами: „возвеселимся, в мале сотвориши с плеч возношение, возложим сущую же, воздуряем пропойцу”. В данном примере обращает на себя внимание сочетаемость исконно книжного префикса *воз-* с народно-разговорной мотивирующей основой: *воздуряем*, что приводит не только к утрате закреплённости морфем за определенным стилем, к расширению сферы его использования, но и к его экспрессивной направленности.

К этому же явлению можно отнести и образования с суффиксами *-тель*, созданные по продуктивной модели: губитель – лупитель, *-ниѣ* – омрачение, бесование и др.

Количество авторских приемов можно было бы значительно увеличить. Это – а) образование сложных слов, созданных по продуктивной модели древних образований способом трансфиксации с первым компонентом *благо, бого, добро, славо* (благотупие, славоблудие, добропитие), а также лексем, мотивированных глагольно-именными сочетаниями, типа: „древоделцы, смехотворцы”, пополнившими словарный запас русского литературного языка, б) использование обильных развернутых эпитетов, вплетенных в риторические фигуры. Созданные по образцу житийных воспеваний начала Московской Руси, будучи перенесенными в сферу низменных бытовых реалий, они приобретают сатирическую окраску: кабак – „греху учитель, душевному дому разоритель, аду сопристойниче, диаволу спутнице, сатане собеседниче, душам губителю, в) сравнения с церковнославянским союзом ЯКО, контрастирующим с негативно окрашенными словами типа „псы, рожа” и др.

Выполняя характерологическую функцию, будучи на службе создания сатирических образов, высокая лексика представляет живую, действующую

стилистическую категорию. В связи со сказанным должны возразить А. Бартошевичу, утверждающему, что „книжные элементы в сочетании с обиходно-разговорными словами и выражениями . . . производят впечатление искусственности, неестественности” (имеется в виду *Повесть о Шемякином суде*)⁵. Прав В. М. Марков, протестуя против слишком прямолинейных заключений и утверждая, что в языке нет и не может быть искусственных, нежизненных, мертвых категорий⁶. Подтверждением тому – язык демократической сатиры, в котором употребление славянизмов жизненно и целенаправленно; славянизмы здесь – весьма активная и стилистически качественно новая, значимая языковая единица, сыгравшая роль как для данного жанра, так и для дальнейшего развития литературного языка в целом.

Указанное специфическое использование славянизмов имело свои традиции. Об этом говорят творческие поиски М. Ломоносова в создании сатирических образов (*Гимн бороде*), нарушившие предназначения высокой миссии церковнославянских элементов, выводящие их за рамки созданной им самой строгой стилистической системы. Остается только пожалеть, что в работах, посвященных функционированию „высокой” лексики в XVIII веке, ни слова не говорится о расширении стилистических функций славянизмов⁷. Дается определение узких, ограниченных рамок использования стилистически маркированных элементов: а) с экспрессивно-стилистическим значением – для создания высокого стиля, б) с эстетическим – для создания языка поэзии⁸.

Говоря о преемственности традиции, созданной сатириками XVII века, нельзя не отметить и блистательного ее продолжателя А. С. Пушкина (*Эпиграммы на Фотия, Гавриилиада, История села Горюхина*).

Лишение славянизмов ореола возвышенности, торжественности – свидетельство борьбы против старых книжных традиций, что в конечном счете означает попытку демократизации литературного языка. В этом – неопределимая значимость деятельности писателей-сатириков 2-й половины XVII века.

⁵ А. Бартошевич, *История русского литературного языка*, ч. 2, Warszawa 1976, с. 20-21.

⁶ В. М. Марков, *Об употреблении местоимения „азъ” в русском литературном языке XV-XVII столетий. Вопросы синтаксиса русского языка*, Ученые записки КГУ 1965, т. 125, с. 288.

⁷ См. работы: В. В. Замковой, *Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века*, Ленинград 1975; Е. Г. Ковалевской, *О судьбе „высокой лексики” в истории русского литературного языка XVIII-XX вв.* В кн.: *Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в.*, Ленинград 1984.

⁸ Е. Г. Ковалевская, *ук. соч.*, с. 117.